

Соотношения «Я» и «Мы» в лирике

А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова

(на примере стихотворений «19 октября», «К Чаадаеву», «Дума»)

Идея соборности неизбежно реализуется романтиками при затрагивании аспекта движения к новому Эдему (или Страшному Суду), вообще аспекта исторического движения. потому что это движение временное, и гораздо более длительное, чем путь индивидуума. Историческое движение личности – это движение в общем потоке. Здесь немислимо индивидуальное направление, немислима индивидуальная скорость. Это тот всеобщий путь, с которого свернуть невозможно.

С этих позиций и оцениваются отношения *я* и *мы*, *я* и *они*, *я* и *вы*. Так, у Лермонтова в «Думе» (1838) *я* выступает лишь в начале стихотворения как независимый свидетель, зритель: «Печально я гляжу на наше поколение...» (I). Устанавливается жесткое противостояние *я* – *они*, *я*-зритель выделяется из толпы: «Его грядущее – иль пусто, иль темно...» (II, 84). Однако уже с 5 строки противостояние снимается, *я* оказывается вовлеченным в общую массу **временным** движением: «Богаты мы, едва из колыбели...» (II, 84) – и остается составляющей *мы* до конца стихотворения.

Таким образом, *я* в «Думе» двойко, оно позиционирует себя в двух ипостасях: *я*-индивидуум, занимающий созерцательную, стороннюю позицию, и *я*-часть сообщества, разделяющее путь поколения. Соотношение двух составляющих *я*, с одной стороны, в пользу *я*-индивидуума, так как этим *я* открывается текст, что усиливает его позицию, с другой же – в пользу *я*-части сообщества, занимающего большую часть текста. Так создается зыбкое, обманчивое равновесие двух *я*, единых в своей сущности, но разделенных позиционно. *Я*-индивидуум связан моментом («я гляжу»), *я*-часть сообщества движется во времени, являясь звеном в цепи поколений. Оно связывает «ошибки отцов» с «обманутыми» внуками. Жизненный путь героя – отрезок исторического пути от точки осознания заблуждения «поздним умом» отцов к новому этапу пути «судьи и гражданина». В этой связи – единственная (и потому осознающаяся как позорная) историческая роль *я*-поколения. Позиционное и **временное** противостояние двух *я* оборачивается одновременно противостоянием свободы и зависимости. *Я*-индивидуум потому становится голосом века, что *я*-часть сообщества «презренный раб», «тощий плод». *Я*-индивидуум – гражданин, и это сближает его с потомком, *я*-часть сообщества «глядит насмешливо назад», разделяя «поздний ум» отцов. Противостояние двух «я» оказывается и нравственным противостоянием.

и различной направленностью во **временном** потоке. Для я-части общества настоящее обусловлено прошлым. Я-индивидуум оценивает настоящее с позиции будущего. Такая оппозиция *я-я* введет к глобальным эффектам. Из-за временной разнонаправленности я-индивидуум словно вырывается из времени, становится частью вечности. Так определяется тенденция превращения я-индивидуума в я-универсум. Отсюда и эмоциональное ощущение некой сверхсилы, позволяющей личности осмыслить и вынести приговор веку, поколению и самому себе.

Чтобы *я* слилось с сообществом, оно неминуемо должно раздробиться на я-индивидуум и я-часть сообщества. Первое обнаружит тенденцию продвижения к универсуму, второе – подчинится движению времени. Сообщество же соотносится с универсумом как его временной, конечный отпечаток. Увлекаемое временем, оно сольется с вечностью в Эдеме. И только в этот момент я-индивидуум преодолеет разделение с я-частью сообщества и обретет свою истинную целостность.

Необходимость разделения *я* предполагает позиционное противостояние универсума и сообщества, такое же двойственное, как единство и противоположность *я-я*. Можно рассматривать эту оппозицию как вариантную форму романтического двоения, потому что в этой раздвоенности универсальное противостоит его конечной временной форме.

Все вышесказанное оказывается действительным для романтической поэзии везде, где есть тенденция трансформации *я* в *мы*. Так, в пушкинском «19 октября» (1825) (2) я-индивидуум предстает позиционно (в силу личных обстоятельств) оторванным от *мы* («Я пью один...»), связанным мгновением и в то же время поднятым над временем и потому способным осмыслить его движение: «Куда бы нас ни бросила судьбина...» и т.д. Временное движение осуществляется от основания Лицея (Эдема) к смерти. Эмоциональное движение осуществляется в ином направлении – от я-индивидуума к я-части сообщества: «На берегах Невы Меня друзья сегодня именуют...» (II, кн. I, 374). Однако я-«один» и я-«именуемый друзьями» – это не одно и то же *я*. Они разделены не только пространственно. Они разделены универсальностью. Слияние, соединение двух *я* подается как мечта, как надежда. Осуществима же эта надежда через подчинение *я* времени: «Промчится год, и с вами снова я». Характерное для творчества Пушкина (отмеченное еще Ф.П. Федоровым) (3) движение в прямой трехчленности – Эдем → разрушение Эдема → обретение Эдема – существенно и для «19 октября» (1825). Царское Село – утраченный Эдем, мир детства, отечество души, подлинная родина: «Нам целый мир чужбина; Отечество нам Царское Село» (II, кн. I, 375). Утрата Эдема – в одиночестве, в оторванности от сложившегося лицейского братства. Обретение Эдема мыслится в возвращении к братству. *Я-часть сообщества* ищет слияния

с ним: «Друзья мои, прекрасен наш союз! Он как душа, неразделим и вечен...» (II, кн. I, 375). Я достигает универсума в изгнании, но реализует его только при возвращении в братство.

Различие между двумя вариантами оппозиционности я самому себе не только в различии мироощущения Пушкина и Лермонтова. Оно обусловлено самим характером временного движения, его двузначностью. В «19 октября» (1825) двузначна осень: она выступает одновременно как пора увядания, символ разрушения Эдема («Роняет лес багряный свой убор...») и как символ Эдема – день открытия Лицея, день рождения братства. В «Думе» временные меты также подчеркнуты символами осени: «И час их (плодов. – Л.В.) красоты – Его паденья час», «в начале поприща мы вянем без борьбы». Они также несут антитезы (час красоты – час паденья, начало поприща – увяданье) жизни и смерти. Эта двузначность не рождает трагедии. Она рождает печаль: «Печален я: со мною друга нет...» (II, кн. I, 374). «Печально я гляжу на наше поколенье...» (II, 84). В движении от я-индивидуума к я-универсуму печаль трансформируется в пушкинскую версию в восторг, в лермонтовской – в горечь в соответствии с прямой и обратной трехчленностью.

Любопытным вариантом отношений я – мы является отношение мы – ты. В пушкинском послании «К Чаадаеву» 1818 года (II, кн. I, 68) процесс разделения переживает не я, а ты. Совершенно очевидно, что в тексте «Недолго нежил нас обман» и «Но в нас горит еще желанье» «нас» различно по значению. Употребленное в первый раз, оно включало друга (обман «недолю нежил» нас с тобой). Употребленное во второй раз, оно обращено к другу с призывом присоединения (в нас горит еще желанье, а в тебе?). Возвращение к братству ведет к разрушению настоящего и через разрушение – обретение универсума: «И на обломках самовластья Напишут нами имена!».

Послание «К Чаадаеву» (1818) – не только призыв к уничтожению самовластья, это и призыв к восстановлению целостности личности, к преодолению раздвоенности. Поэтому ряд образов в послании восходит к расхожим символам масонства, ориентированным на восстановление Божественной цельности и истинности внутреннего человека. Прежде всего это относится к образу звезды пленительного счастья, который восходит к блистающей, или пламенеющей, звезде. Блещающая (пламенеющая) звезда знаменовала «Дух», наполняющий всю природу, жизненную силу, ум, освещающий деяние масонов, направляющий их искания на верный путь, «Наподобие Вифлеемской звезды, она указывает путь к Истине и символически представляет наше шествие к Зиждителю мира...» (4), – указывает Т. Соколовская. Связь звезды пленительного счастья с пламенеющей звездой закрепляется образом «горит еще желанье». Рядом со звездой пленительного счастья уместным становится обращение

«товарищ», хотя выше было «мой друг». «Мой друг» – обращение я-индивидуума к ты-индивидууму. Товарищ – второй градус (вторая степень) рабочего (Иоанновского) масонства, чья задача – активная созидательная деятельность» (5). «Обломки самовластья» – образ, восходящий к поверхностно воспринятым понятиям «дикий камень» (нравственность человека, нуждающаяся в обработке), «разрушенный и рассеянный камень» или «разрушение града нечестивого». Такое поверхностное понимание и употребление масонских символов как основы метафоры только и было возможно для молодого Пушкина, еще не посвященного, да и позже воспринимавшего масонство не слишком глубоко. Для поэта масонская символика – некий культурный пласт, язык эпохи. К этому языку поэт прибегает для того, чтобы указать на взаимосвязь преобразований вовне и внутри человека

При движении личности во времени с ней самой происходит то, что в иных позициях происходило с движущимся во времени предметом (перстень Веновитинова и т.д.). Я-индивидуум оказывается в «зазоре» между пространством времени и пространством вечности, в области мифа. В пушкинском послании «К Чаадаеву» в лермонтовской «Думе» мифологизация явственна в концовках. Прием мифологизации становится фиксация имени на камне – на «обломках самовластья» в пушкинском стихотворении и на надгробной плите – в лермонтовской «Думе». В «19 октября» мифологизация дана в более сложной форме – как постепенное, поочередное умирание братьев по духу, превращение их в воспоминание последнего члена братства. Со смертью же последнего уйдут реальные лица и реальные факты. Однако мотиву забвения, ухода противоречит утверждение неразделимости и вечности лицейского братства в 7-й строфе. Само братство останется, но вне конкретики лиц, фактов и обстоятельств, как некий символ, аналогичный камню дружбы, легендарному свидетельству жизни Ореста и Пилада в послании «Чаадаеву» 1824 года (II, кн. I, 323). Люди уйдут, Дружеский союз вечен. Так ушедшие становятся легендой.

Литература

1. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 2002. Т. II. С. 84. (Далее ссылки на это издание приводятся в тексте: римская цифра обозначает том, арабская – страницу).
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.: Воскресенье, 1994 – 1997. Т. II. кн. I. С. 374 – 377. (Далее ссылки на это издание приводятся в тексте: римская цифра обозначает том, арабская – страницу).
3. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1998.
4. Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. 2. С. 96.
5. Там же.

Основанием для уклонения от реализации проекта может являться лишь неудовлетворительная оценка его рискованности после проработки вопроса о целесообразности модификации проекта, субъекта, его продуцирующего, и, естественно, совокупного рископрофиля проекта, т.е. окончательное решение должно применяться не только на основе оценки возможности и целесообразности снижения риска, но и целесообразности модификации проекта и структуры его продуцента.

Реализация указанных рекомендаций в значительной степени будет способствовать не только определению величины и минимизации (оптимизации) инновационных рисков, но и создаст реальные условия для оценки инновационного потенциала, что, в свою очередь, обеспечивает эффективность осуществления инновационной деятельности на предприятии в целом.

Литература

1. Агафонова И.П. Основные концепции построения эффективной системы риск-менеджмента на предприятии в условиях реализации инновационного проекта // Инновации. 2003. – № 6.
2. Боди Э., Мертон Р. Финансы: Пер. с англ. – М.: «Вильямс», 2000.
3. Валдайцев С.В. Управление инновационным бизнесом. Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

В.И. Ерыгина

*Сравнительный анализ программ политических партий по развитию экономики в России**

Политические партии имеют различные функции: политические, идеологические, воспитательные и др. Их реализация зависит от уровня партийной организации. Общероссийские партии призваны решать общезначимые задачи, прежде всего связанные с формированием и деятельностью государственных органов власти. Их региональные и местные отделения отражают интересы ограниченного числа членов местного сообщества и способствуют организации местного самоуправления.

Россияне по-разному оценивают роль региональных отделений в решении наиболее значимых вопросов муниципального уровня. Так, по данным международного проекта «Демократия и местное самоуправление», в середине и в конце 1990-х гг. приоритетом пользовались такие направления партийной деятельности, как проведение выборных кампаний, подбор кадров на общественные должности, вовлечение людей в политику и т.д. (1) В 1993-

* Статья подготовлена при поддержке средств гранта №ВК1 103-05.